

Зарубежная философия
сегодня

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ ХИЛАРИ ПАТНЭМА

И.Д. ДЖОХАДЗЕ

Хилари Патнэм (р. 1926) принадлежит к числу американских философов, сыгравших важную роль в интеллектуальном движении второй половины XX века, которое у историков философии получило название «возрождение прагматизма»¹. Работы Патнэма 80 – 90-х годов, содержавшие критику сциентизма и аналитической эпистемологии, его яркие публицистические выступления и увлекательная, растянувшаяся на десятилетия полемика с «релятивистом» Р. Рорти способствовали «реабилитации» и широкой популяризации прагматизма как направления философской мысли. В 2000-е гг. Патнэм приложил немало усилий для восстановления «исторической правды» о прагматизме; он показал, что фаллибилизм Ч. Пирса, мелиоризм У. Джеймса и инструментализм Дж. Дьюи не утратили своей актуальности, что прагматистам есть что сказать и в современных философских дебатах.

Противник любых односторонних подходов и радикальных решений, Патнэм-прагматист видит свою задачу в том, чтобы, по выражению Дж. Пассмора, «провести корабль философии между Сциллой метафизического реализма и Харибдой культуррелятивизма в поисках теории, которая... соединила бы в себе элементы объективного и субъективного»². Эту же цель преследовали классики прагматизма У. Джеймс и Дж. Дьюи, искавшие «средний, примиряющий путь философии»³ и отвергавшие крайности фундаментализма/догматизма, с одной стороны, и скептицизма/нигилизма, с другой⁴.

«Внешняя», метафизическая перспектива познания, которую Патнэм противопоставляет прагматическому реализму («внутренней» перспективе), в предложенной им реконструкции сводится к трем ключевым положениям: 1) признание объективной реальности, независимой от человеческого сознания, как некоторой «устойчивой совокупности» объектов и свойств; 2) понимание истины как «отношения соответствия между словами или знаками-мыслями (thought-signs) и внешними вещами или множествами вещей»; 3) наличие одного исчерпывающе-полного и достоверного описания мира – реальности «как она есть»⁵.

По утверждению Патнэма, в основании всех без исключения метафизико-реалистических концепций лежит допущение *идеального логического субъекта*, обладающего «божественной» монополией на выявление и закрепление истины (God's-Eye View of Truth). К концу XX века это представление о философском и научном познании безнадежно дискредитировало себя. «Пришло время для моратория на Онтологию и Эпистемологию, — заявляет Патнэм, — для моратория на специфического рода онтологические спекуляции, которые... предлагают нам ответ на вопрос о том, что же действительно существует “в мире”, а что является лишь проекцией человеческого сознания, и специфического рода эпистемологические спекуляции, претендующие на выработку единственно верного метода для оценки истинности наших убеждений и верований»⁶.

Метафизический реализм, на смену которому должна прийти философия «здравого смысла», рассматривается Патнэмом как новоевропейская («модифицированная» картезианцами) разновидность *платонизма*. К идеализму Платона, по мнению Патнэма, восходят два устойчивых предрассудка западной философии: убеждение в том, что высказывание не может быть объективно истинным, если не существует *объектов*, с которыми оно «корреспондирует», а если последних не наблюдается, тогда (утверждают платоники — и это второй идеалистический предрассудок) должны существовать *нефизические* (non-natural) объекты, способные выполнять функцию «истинностных операторов» (truth-makers)⁷. На самом деле, объективность без объектов возможна, говорит Патнэм. Простейший и очевидный пример, подтверждающий это — *логические суждения*, как то: «Все существа отряда приматов относятся к классу млекопитающих, следовательно, животные, не относящиеся к млекопитающим, приматами не являются». При желании, конечно, можно назвать это «deskрипцией» — описанием «логической связи между двумя утверждениями», а именно утверждением о том, что приматы — млекопитающие, и утверждением, что всякое существо, не относящееся к классу млекопитающих, не принадлежит к отряду приматов. Однако, аргументирует Патнэм, едва ли сегодня найдется философ, искренне убежденный в том, что мы в самом прямом и буквальном смысле *описываем* некое *отношение* между некими *неосязаемыми объектами* (intangible objects), когда рассматриваем подобного рода простые логические заключения. «Думать так — значит быть “платоником” в философии логики»⁸. Некорректно также утверждать, что истинность логического высказывания обусловлена наличием отношения соответствия между составляющими его элементами, с одной стороны, и реальными объектами, на которые они

указывают, с другой (в приведенном примере таковыми являются приматы, млекопитающие и другие существа животного мира). Высказывание было бы истинным даже в том случае, если бы никаких млекопитающих и приматов в природе не существовало⁹.

Несостоятельность метафизико-реалистического подхода раскрывается Патнэмом на примере каузальной теории референции Джерри Фодора¹⁰. По Фодору, отношение между знаком и референтом (словом и обозначаемым им предметом) в самых простых случаях сводится к схеме: «объект X (например, кошка) служит причиной W (слова “кошка”)». Очевидно, однако, что в реальной действительности произнесение (употребление слова) «кошка» может быть обусловлено и другими причинами: изображением зверя, мяуканьем, следами кошачьих лап и пр.; таким образом, существует множество Y , для которого справедливо: «объект Y служит причиной W ». Фодор полагает, что не все члены множества Y равноправны, что здесь налицо асимметрия (*asymmetric dependence relation*), выражаемая контрфактическими суждениями типа «Если бы X не служило причиной W , то ни один из объектов Y (изображение кошки, мяуканье, следы лап) не мог бы служить причиной использования W (слова “кошка”), хотя обратное неверно». Установление такого рода соподчинений во множестве Y приводит, по мнению Фодора, к определению значения слов нашего языка.

Патнэм доказывает на целом ряде примеров¹¹, что возможность установления асимметрии и истинности соответствующих контрфактических утверждений, по меньшей мере, не безусловна. Главный же недостаток каузальной теории референции заключается в том, что она, по версии Патнэма, состоит в стремлении объяснить интенциональные понятия на основе неинтенциональных, определить понятия, относящиеся к сознанию, в понятиях наук о природе. Фодор является антиредукционистом в том смысле, что он не сводит проблему референции к проблемам физики или биологии. Но он не уходит от редукционизма, поскольку надеется объяснить когнитивное понятие референции, опираясь на понятие каузальности (причинности) и привлекая контрфактическую аргументацию — так, как это принято в естественных науках. Понятие каузальности для него верно, так как в данном виде оно используется, в частности, в эволюционной биологии и геологии — науках, описывающих реальность «как она есть» (безотносительно к наблюдателю и исследователю). В концепции Фодора, по мнению Патнэма, сохраняется, хотя и в измененной форме, старое желание редуцировать сознание и разум к чему-то сугубо физическому (*wholly physical*), объективно, независимо от познания и языка. Для Патнэма-прагматиста

такой редукционизм неприемлем: «Любое понятие, используемое нами при описании мира (даже в разговоре о горных породах или биологических видах), имеет интенциональное измерение, т.е. выражает определенный человеческий интерес и определенную перспективу, которые исключают неопределенность “взгляда ниоткуда”... Интенциональное... присутствует всюду, даже проникает в наше описание неинтенционального; оно неустраимо»¹².

В конечном счете, истинность или ложность каузальных суждений зависит от когнитивных условий (прагматики употребления и контекста), считает Патнэм. Этот подход не имеет ничего общего с каузальным нигилизмом или релятивизмом. Высказывания «*A* есть причина *B*» и «*A*₁ есть причина *B*» вполне совместимы: сердечный приступ у пациента можно объяснить как нарушением предписаний врачей, так и высоким уровнем холестерина в крови¹³. Мы выбираем тот или другой вариант объяснения, руководствуясь соображениями контекстуальной уместности и прагматической целесообразности.

В отличие от метафизического реализма с его «взглядом ниоткуда» и идеалом «безличностной» объективности¹⁴, прагматический реализм принимает в расчет человеческий интерес и настаивает на философской обоснованности и заведомой обреченности предпринимаемых «метафизиками» попыток выделения какого-то одного («истинного») отношения соответствия между терминами и референтами. Выдвинутый Патнэмом *теоретико-модельный аргумент*¹⁵ показывает, что отношение соответствия (между языком и реальностью), гипостазированное «Эпистемологией с большой буквы», действительно существует, однако, с точки зрения прагматического реалиста, данное отношение (*a* reference relation) не является единственным в своем роде и инвариантным, возможны разные «соответствия», оправдывающие разные описания (картины) мира¹⁶. Познание — не пассивное (как в зеркале) отражение независимой от познающего субъекта реальности («mind-independent Reality»¹⁷), а активный процесс производства знания и закрепления убеждений. «Мы не располагаем понятиями “существования” объектов или “истинности” утверждений, независимых от наших интерпретаций, а также практик и процедур, которые только и делают осмысленным разговор о “существовании” и “истине” в рамках этих интерпретаций»¹⁸. Прагматический реализм отказывается противопоставлять объективное субъективному, фактуальное конвенциональному, эмпирическое теоретическому. Объективный мир невозможен без субъективного опыта. «Продукты человеческой деятельности, данные восприятия и результаты познания составляют важную часть той реальности, о которой мы говорим и которая

была бы совсем иной, если бы формы нашей жизнедеятельности были иными»¹⁹.

Как прагматический реалист, Патнэм не имеет ничего против концептуального релятивизма («можно быть *одновременно* реалистом и концептуальным релятивистом»²⁰), однако подчеркивает, что этот *концептуальный*, умеренный релятивизм не тождествен «*радикальному культурному релятивизму*» и *нигилизму*: «Наши понятия могут быть культурно и исторически обусловленными, но это вовсе не означает, что истинность или ложность всего, что утверждается нами в этих понятиях, попросту определяется (decided by) нашей культурой»²¹. Концептуальный релятивизм не отрицает объективной реальности, но допускает возможность различных (когнитивно эквивалентных) *концептуализаций* – альтернативных картин реальности. Всякое описание «объективного мира» является, во-первых, *описанием* мира (прагматический аргумент против метафизического реализма), а во-вторых, описанием *мира* (реалистический аргумент против релятивизма и скептицизма).

Оппонирующие Патнэму аналитические философы (М. Девитт, Дж. С্মарт, Д. Льюис и др.) указывают на некорректность жесткого противопоставления реализма («метафизического») релятивизму («концептуальному»). По мнению Девитта, реализм *философский* (в отличие от вульгарного *сциентизма*) не утверждает возможности «прямого доступа» к неконцептуализированной реальности и не настаивает на единственности и инвариантности отношения соответствия между знаками-мыслями и их референтами (теоретико-модельный аргумент, следовательно, бьет мимо цели²²). Абсурдно требовать от философии и наук такой «объективности», рассматривать ее как альтернативу субъективизму и эпистемологическому анархизму. Живучесть этого заблуждения (когда реалистам вменяют в вину грехи и идеалистов-платоников, и материалистов-эмпириков) Девитт связывает с «давней привычкой философов ставить телегу эпистемологии впереди лошади метафизики»²³. Метафизический реализм и корреспондентная теория истины, соглашаются с Девиттом Дж. С্মарт и Х. Филд, вовсе не исключают плюрализма дескрипций или репрезентаций; понимание истины как соответствия (correspondence) не производно от философски наивного допущения, что познающему разуму может открыться реальность *an sich*. «Для нас, метафизических реалистов, важно, чтобы существовало *хотя бы одно* отношение соответствия (между языком и реальностью); *множественность* указанных отношений нас не пугает»²⁴. Патнэм, таким образом, неоправданно упрощает аргументацию своих оппонентов (логических позитивистов, физикалистов, некогнитивистов), облег-

чая для себя критику их философских идей. Как полагает Я. Хакинг, среди современных философов и ученых едва ли найдется «серьезный мыслитель», который стоял бы на позициях «метафизического», по версии Патнэма, реализма. По мнению Хакинга, данная версия может быть принята как описание «определенной перспективы познания», но ни в коем случае не как реконструкция «определенной теории» или эпистемологической установки²⁵.

Для позитивистски-ориентированных философов, сторонников корреспондентной теории истины и каузального объяснения референции, Патнэм – самый что ни на есть «радикальный» идеалист²⁶ и анти-реалист²⁷. В течение последних 30-ти лет автор «Разума, истины и истории» предпринял немало усилий, чтобы развеять это ложное представление о его философии. Ни антиреализм (*à la* М. Даммит или К. Райт), ни культурный релятивизм (Р. Рорти), ни инструментализм (П. Бриджмен) не признаются Патнэмом в качестве положительных и философски жизнеспособных альтернатив метафизическому реализму. Наибольшую опасность для современной философии, по его мнению, представляют лингвистический идеализм и скептицизм, отрицающие *de facto* познаваемость объективной реальности. Конечно, рассуждает Патнэм, чтобы пользоваться языком, вовсе не обязательно знать точный ответ на вопрос о природе «соответствия» данного языка реальности (как не обязательно быть электриком или физиком, чтобы пользоваться выключателем света). Однако *успех* «программы пользования языком» (*success of the «language-using program»*) напрямую зависит от «соответствия» употребляемых слов объектам, а предложений – явлениям объективной реальности²⁸. Патнэм сравнивает язык с топографической картой, полезность которой прямо пропорциональна ее достоверности (т.е. «реалистичности»). «Можно освоить язык, *не думая* о том, что слова языка соответствуют внеязыковым реалиям; однако именно это соответствие, действительно существующее, определяет *успешное пользование языком*»²⁹. Операциональное «знание как» (*knowing how*) неотделимо от семантического «знания что» (*knowing that*)³⁰.

Опираясь на вывод об индетерминированности значения терминов контекстом употребления и правилами языковых игр, Патнэм доказывает ложность тезиса эпистемологического анархизма о несоизмеримости научных теорий и парадигм. Если бы данный тезис был верен, говорит он, мы не могли бы переводить с других языков и с более ранних форм нашего собственного языка (ведь значения дескриптивных терминов в различных концептуальных системах не совпадали бы); у нас, следовательно, не было бы оснований

считать, что люди других культур являются разумными существами, способными мыслить, говорить и т.д. «Нелепо настаивать на том, что понятия Галилея “несоизмеримы” с нашими, но *продолжать подробно описывать их*»³¹.

Последовательный релятивизм, по мнению Патнэма, самоопровергаем, т.е. ведет к *отрицанию релятивизма*: если все относительно, то и сама относительность относительна. Подобно Сексту Эмпирику, который пришел к обескураживающему выводу, что скептицизм в философии не поддается логически непротиворечивой фиксации (поскольку даже высказывание «я не знаю» не может служить выражением *знания*), современный культурный релятивист, будь он последователен и интеллектуально добросовестен, должен был бы признать свои утверждения простым выражением собственных (индивидуальных или коллективных) предпочтений и вкусов, не представляющих никакой объективной – универсальной и транскультурной – ценности. Релятивист не замечает, что противоречит себе, когда относительное возводит в ранг абсолютного; он «упускает из виду, что предпосылкой самой мысли является существование некоторого вида объективной “правильности”»³². Любая концептуализация, настаивает релятивист, имеет право на существование; ни одна языковая игра не лучше и не хуже другой; все культуры, традиции и «словари» одинаково хороши. По мнению Патнэма, эта поверхностная аргументация заводит философию в эпистемологический тупик. Из отрицания возможности чего бы то ни было *объективно* лучшего или худшего никак не выводится утверждение, что любая позиция или точка зрения «столь же хороша» (*just as good*), как и другие альтернативные ей или отличные от нее позиции; скорее следовало бы признать, что вообще не существует нейтрального транс-теоретического стандарта «так же хорошо, как» (*just as good as*). Более предпочтительным в сравнении с таким вариантом радикального культурного релятивизма представляется Патнэму «объективный релятивизм» Дьюи: «Определенные вещи являются правильными – *объективно правильными* – при определенных обстоятельствах и неправильными – *объективно неправильными* – при других обстоятельствах; на обстоятельства же, которые складываются различным образом, влияют среда и культура... Данная точка зрения отнюдь не тождественна утверждению, что ценности являются “относительными” – в смысле обусловленности чьим-либо субъективным мнением или вкусом»³³. С одной стороны, аргументирует Патнэм, наше знание культурно-исторически обусловлено, мы познаем мир *изнутри* наших традиций, языковых игр и практик; с другой стороны, сами эти практики и традиции могут критически

пересматриваться и рационально совершенствоваться («мелиоризм» Джеймса, «синехизм» Пирса). Нам дано *трансцендировать* «формы жизни», доставшиеся в наследие от предшественников, — возможность, которой во все времена пользовались революционеры и реформаторы. «История, культура, традиции должны приниматься в расчет, а не игнорироваться, как это происходит с философами, которые ищут в метафизике или эпистемологии Архимедову точку опоры для своих спекулятивных построений. Мы наследуем традиции и словари, которыми пользуемся, и наши споры о том, что есть истина, а что ложь, обретают смысл внутри этих “наследуемых традиций” (Витгенштейн). Но верно и то, что наш язык не стоит на месте, мы развиваем и совершенствуем его, изобретая новые формы, и руководит нами в этом наш разум... Ошибкой было бы полагать, что разумность обеспечивается коллективным согласием; наоборот, согласие имеет предпосылкой разумность»³⁴. Простого соответствия наших взглядов верованиям сообщества недостаточно: с точки зрения прагматистов, «минимально необходимым условием существования истины является готовность людей ставить под сомнение и подвергать рациональной проверке свои индивидуальные и коллективные убеждения»³⁵. Идеал объективной истины сохраняет свое значение для прагматистов как регулятивный принцип познания; к этому идеалу, по мнению Патнэма, устремлены конечные, наличные формы рациональности, обусловленные конкретными ситуациями употребления языка, коммуникации, практической применимости знания и т.д. Прагматистским ответом культур-релятивизму была разработка фаллибилистского метода, направленного на отделение рационально оправданных и обоснованных верований (пусть не укладывающихся в рамки консенсуса) от неоправданных и необоснованных (даже если они приняты большинством). «Быть может, высшим проявлением рациональности является способность судить правильно и разумно именно в тех случаях, когда нельзя надеяться “доказать” что-то к всеобщему удовлетворению»³⁶. Обоснованность, или «гарантированная оправданность» (warranted assertibility) наших суждений не зависит от мнения большинства, утверждает Патнэм; на самом деле, объективность (понимаемая как такая *независимость* убеждений) является «свойством самого понятия обоснования (warrant)»³⁷.

Наряду с фаллибилизмом (готовностью критически пересматривать ранее принятые и «узаконенные» доктрины), важнейшим руководящим принципом прагматистского философствования, согласно Патнэму, является антискептицизм. С точки зрения прагматистов, *сомнения* нуждаются в обосновании (justification)

ничуть не в меньшей степени, чем убеждения. Универсальное картезианское *dubitatio* – ложное, аномальное состояние, по мнению Пирса и Джеймса (здравомыслящий человек стремится *избавиться* от сомнения и достичь состояния веры; именно этой, а не какой-либо другой цели служит познание). Фаллибилизм, – утверждает прагматический реалист Патнэм, – «не означает необходимости сомневаться *во всем и сразу*; он лишь предполагает готовность подвергнуть сомнению *любое* суждение или представление при наличии достаточных оснований»³⁸. Можно быть, следовательно, фаллибилистом и антискептиком одновременно; осознание этой возможности Патнэм считает «главной интуицией американского прагматизма»³⁹.

Ключевые идеи прагматистской концепции Патнэма были изложены им в работах 80-х годов – «Разум, истина и история» (1981), «Реализм и разум» (1983), «Репрезентация и реальность» (1988). В первой из названных книг вводится определение понятия «*внутренний реализм*» (или «интернализм»), впоследствии признанное автором неудачным. По зрелом размышлении Патнэм пришел к выводу, что термин «внутренний» не столько проясняет его позицию, сколько вводит в заблуждение, навевая негативные ассоциации с антиреализмом. Данное определение, как точно подметил один из комментаторов, «подразумевает наличие “внешней” альтернативы внутреннему реализму – альтернативы экстернализма, имеющего равное с интернализмом право на существование»⁴⁰. Эти соображения, среди прочих, побудили Патнэма отказаться от формулировки «внутренний реализм» в пользу «*прагматического реализма*» или «реализма с маленькой буквы»⁴¹.

Патнэм-прагматист видит основную задачу в том, чтобы преодолеть в новой версии реализма философскую антитезу «*объективное/ субъективное*» – раскрыть *фундаментальную взаимозависимость* объективной реальности и субъективного опыта, показать, как «сознание и мир совместно создают сознание и мир»⁴². Решая эту задачу (в теоретико-познавательном плане она сводится к «примирению» двух эпистемологических установок – позитивистской и антисциентистской), Патнэм опирается на идеи классиков прагматизма, прежде всего – Уильяма Джеймса. Краеугольным камнем Джеймсовой метафизики является отрицание субъект-объектной дихотомии: только в преломлении сквозь призму человеческого сознания, через рефлексию и посредством нее, реальность, по Джеймсу, *обретается* нами: во-первых, в качестве объектов «внешнего» мира, схватываемых в восприятии, и во-вторых, в качестве «аффектаций» нашей субъективности⁴³. По мнению прагматистов, «задаваться вопросом о

том, что в нашем восприятии мира “дается” извне, а что “прибавляется” нами самими, так же бессмысленно, как пытаться решить, какая нога важнее для здоровой ходьбы — левая или правая»⁴⁴. Зрение не дает нам прямого доступа к уже готовому миру (*ready made world*), но «открывает» для нас объекты, которые частично структурируются и создаются самим механизмом зрения. Если мы примем радугу в представлении физика за радугу «в себе», то окажется, что у этой «физической» радуги нет никаких полосок: спектроскопический анализ фиксирует гладкое распределение частот. Красные, желтые, зеленые и синие полосы — особенность *перцептивной* радуги, а не радуги физика. И все же мы не считаем зрение несовершенным или «искажающим объективность» на том основании, что оно видит полосы; наоборот, дефектное зрение у того, кто не видит их. «Зрение делает хорошим его способность дать описание, которое соответствует объектам *для нас*, а не метафизическим вещам-в-себе. Зрение хорошо, когда оно позволяет нам видеть мир в его человеческом, функциональном измерении»⁴⁵.

Никакая старая или новая философия, исповедующая «научное абстрагирование от субъекта» (Ф. Шиллер), не может претендовать на полноту и достоверность познания, убежден Патнэм. Однако голый субъективизм или солипсизм также не решают проблемы адекватного, по человеческим меркам, познания мира; ведь существуют, по выражению Пирса, «*Реалии*» — внешние обстоятельства и законы, с которыми вынуждены считаться люди, пытающиеся воздействовать на среду и управлять ходом событий⁴⁶. *Via media* прагматизма, специфически прагматистский способ разрешения дихотомии «объективное/субъективное», заключается, говорит Патнэм, «в признании того положения, в котором мы на самом деле находимся. Это положение разумных существ, чьи представления об окружающем мире не могут не отражать их собственных интересов и ценностей, — однако, при всем том, некоторые из представлений (а значит, и связанные с ними интересы и ценности) могут рассматриваться как *лучшие* в сравнении с другими, *худшими*. Такой подход вынуждает нас отказаться от известной метафизической концепции объективности, но не от убеждения в том, что существуют возможности, названные Дьюи “объективным решением проблематической ситуации”, — возможности объективных решений проблем, относящихся к конкретному месту и времени, в противоположность “абсолютным” ответам на все отвлеченные, свободные от контекста и перспективы вопросы»⁴⁷.

Прагматический реалист, таким образом, признает наличие «фактуального компонента» в познании, но не отрицает и «ценностно-

конвенционального компонента» (наше сознание не *копирует* объекты реальности, но и не *творит* мир ex nihilo). Патнэм, разумеется, не упускает из виду, что подобного рода эпистемологический «дуализм» (выделение двух равнозначимых компонентов познания) мог бы иметь результатом фронтальное расчленение всего корпуса человеческих знаний, его разложение на части — конвенциональную и фактуальную. «Это вернуло бы нас к представлению о реальности как она есть “сама по себе” — реальности, которой должно соответствовать наше “фактуальное” знание, очищенное от всего “конвенционального”»⁴⁸. Вот почему, по мнению Патнэма, правильнее было бы говорить об *относительной* конвенциональности и *относительной* фактуальности. В пояснение он приводит простой пример: автомобиль движется по шоссе со скоростью 60 миль в час. Это — констатирующее утверждение, фактуальная истинность которого, однако, зависит от способа измерения скорости. «Результатом *конвенции* является то, что скорость измеряется относительно неподвижных, а не движущихся объектов, относительно земли, а не летящего самолета»⁴⁹. Всякое утверждение, следовательно, и *фактуально*, и *конвенционально*; фактуальность заставляет нас говорить о чем-то определенном, конвенциональность позволяет это делать по-разному.

В отличие от реалиста *метафизического, прагматический* реалист считает, что вопрос «Из каких объектов состоит мир?» имеет смысл задавать только в рамках некоторой теории или описания. «“Объекты” не существуют независимо от концептуальных схем. Мы разделяем мир на объекты, вводя ту или иную схему описания. Поскольку и объекты и знаки равным образом *включены* в схему описания (are alike *internal* to the scheme of description), мы в состоянии определить, что чему соответствует»⁵⁰. Предположение, будто *сама реальность* диктует нам единственно верный способ ее описания («деления на объекты»), является метафизико-реалистическим предрассудком, считает Патнэм⁵¹. Реальность не определяет нашего выбора (скорее наш выбор «определяет» реальность); однако это не означает *иллюзорности* мира: «реалии», не зависящие от человеческой воли и разума, накладывают свои ограничения на наш образ мыслей и действий»⁵². «Правильно будет сказать, что мир “объективен” и “не объективен”: с одной стороны, мы не можем занять какую-либо позицию, не оперевшись на ту или другую систему понятий (причем ни одна из систем не представляет собой уникального соответствия миру “как он есть”); с другой стороны, мы не вправе судить о реальности, о том, что истинно, а что ложно, руководствуясь только тем, что мы *думаем* или представляем себе, имея под рукой данную

систему концептов»⁵³. «Объекты» — понятие *диспозитивное*, разъясняет Патнэм; они «обретаются» нами благодаря определенной концептуальной схеме, используемой для описания мира. «Реальность в этом смысле объективна, “объекты” — нет»⁵⁴.

По мнению Патнэма, первым западным мыслителем, предложившим философски корректный (с точки зрения прагматизма) вариант разрешения субъект-объектной дихотомии, был И. Кант. Наши идеи объектов, утверждал Кант, не являются точными отражениями вещей; человеческое познание «не тождественно слепому копированию реальности»⁵⁵. Кант, конечно, не сомневался в существовании независимой от сознания «внешней» реальности (называя ее элементы вещами-в-себе или ноуменами), однако он полагал, что этот ноуменальный мир недоступен нам, а то, что мы воспринимаем в качестве реальных объектов (вещей-для-нас), «формируется» нашим рассудком. Реальность-в-себе и реальность-для-нас никогда не совпадают. «Бессмысленно ставить вопрос о том, каким должно быть описание мира, чтобы описывать “вещи в себе”; это все равно что искать способ описания мира на языке самого мира, в действительности не существующем»⁵⁶. В реконструкции Патнэма, прагматистская философия, направление которой было задано «кантианцем» Пирсом и «радикальным эмпириком» Джеймсом, представляет собой версию *Кантовского эмпирического реализма*, очищенного от всех метафизических «наслоений» и спекуляций (трансцендентализма)⁵⁷.

Патнэм убежден, что философский идеализм Канта (за вычетом трансцендентального элемента) не противоречит базисным «реалистическим интуициям», лежащим в основе как научного взгляда на мир, так и мировоззрения обычных людей. Хотя существует эпистемическая зависимость нашего видения реальности (того, что мы *принимает* за внешний мир) от концептуальных схем, которые опосредуют наше познание, эта реальность не является «продуктом» субъективного опыта⁵⁸. Она *первично* воздействует на наше сознание (которое реагирует «противодействием»), «*обязывая нас*, предъявляя определенные *требования*»⁵⁹. Разнообразные формы человеческого познания и жизнедеятельности, наши индивидуальные и коллективные убеждения, верования и концепты «производятся в ответ на запросы жизни» — той самой действительности, которая заставляет считаться с собой. «В споре о наших человеческих ценностях, их релевантности или иррелевантности, последнее слово принадлежит реальности»⁶⁰. Для релятивистов, отрицающих необходимость согласования знания с «внешней» реальностью, все концептуальные схемы и описания мира одинаково хороши. Для прагматистов,

напротив, когнитивную ценность представляет только такое знание, которое выдерживает проверку опытом. К примеру, теория, утверждающая возможность перемещения человека по воздуху без помощи технических средств, ни в каком случае не может быть признана рационально приемлемой и оправданной (justified): «ученый», который попытается экспериментально ее подтвердить, выпрыгнув из окна, вряд ли добьется желаемого результата. Когерентность (понимаемая как внутренняя непротиворечивость) – важный, но не достаточный критерий истины, с точки зрения Патнэма. «Знание не является рассказом, который не имеет иных ограничивающих условий, кроме внутренней согласованности»⁶¹; существенную роль играют и «опытные исходные данные» (experiential inputs) – фактуальные компоненты, которые, при всей их теоретической «инфицированности» (contamination) и концептуальной нагруженности, сохраняют инвариантность в различных системах и дескриптивных контекстах, обеспечивая «привязку» знания к объективной реальности. Эпистемология прагматизма принимает в расчет эти фактуальные компоненты, служащие своего рода ориентирами или навигаторами в нашем движении к более полному и надежному «овладению миром». В частности, отмечает Патнэм, Джеймсово понимание когерентности («*what fits every part of life best and combines with the collectivity of experience's demands, nothing being omitted*»⁶²) «включает в себя понятие “соответствия” (fit) наших убеждений обстоятельствам жизни и опыта, а не только соответствия их другим убеждениям»⁶³. Не навязывая нам выбора тех или иных понятий, реальность заставляет нас вносить изменения в диспозитивный язык, которым мы пользуемся, когда его инструменты перестают срабатывать. «Мы изобретаем понятия, преследуя свои цели и интересы, но в конечном счете природа решает, какие из описаний, использующих эти понятия, истинны, а какие ложны... Если бы не существовало связи между вещами и словами, наше мышление было бы пустым, бессодержательным»⁶⁴. И лингвистические ресурсы, и образы мыслей, и психологические состояния, и формы восприятия человека – все имеет отношение к внешнему миру. Патнэм настаивает на *взаимозависимости* объективного и субъективного факторов (игнорирование этой связи, по его мнению, чревато релятивизацией знания), и подчеркивает, что в известном неметафизическом смысле он остается «экстерналистом»⁶⁵.

Как эта экстерналистская установка сочетается с «внутренней» перспективой философствования? Является ли философская или научная истина регулятивным идеалом познания (несводимым к «рациональной приемлемости» или «гарантированной обоснован-

ности») Исключает ли ценностная нагруженность опыта когнитивную объективность, достоверность, надежность знания? Ответы на эти и другие программные для нового прагматизма вопросы даются в статье Хилари Патнэма «Создает ли человек ценности или находит их?» (*Are Values Made or Discovered?*)⁶⁶, которая готовится к публикации в «Философских науках».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *The Revival of Pragmatism* / ed. by M. Dickstein. – Durham; L., 1998; *The Pragmatic Turn in Philosophy* / ed. by W. Egginton and M. Sandbothe. – N. Y., 2004; *Pragmatism. Vol.1 – 3* / ed. by A. Malachowski. – L., 2004; *Pragmatism, Old and New* / ed. by S. Haack. – N. Y., 2006; *New Pragmatists* / ed. by C. Misak. – Oxford, 2007.

² *Passmore J.* *Recent Philosophers: A Supplement to a Hundred Years of Philosophy.* – L., 1992. – P. 105.

³ *James W.* *Pragmatism: A New Name for Some Old Ways of Thinking.* – L., 1910. – P. 16.

⁴ См.: *Putnam H.* *Dewey Lectures // The Journal of Philosophy.* 1994. Vol. XCI. № 9. – P. 447.

⁵ См.: *Putnam H.* *Reason, Truth and History.* – Cambridge, 1981. – P. 49; см. также: *Putnam H.* *Representation and Reality.* – Cambridge & L., 1988. – P. 107; *Putnam H.* *Realism with a Human Face.* – Cambridge & L., 1990. – P. 27; *Putnam H.* *Words and Life.* – Cambridge & L., 1994. – P. 352.

⁶ *Putnam H.* *Realism with a Human Face.* – P. 118.

⁷ *Putnam H.* *Ethics without Ontology.* – Cambridge, 2004. – P. 52.

⁸ *Ibid.* – P. 56; см. также: *Putnam H.* *The Collapse of Fact/Value Dichotomy and Other Essays.* – Cambridge, 2002. – P. 33.

⁹ См.: *Putnam H.* *Ethics without Ontology.* – P. 59.

¹⁰ См.: *Fodor J.* *A Theory of Content.* – Cambridge, 1990.

¹¹ См.: *Putnam H.* *Renewing Philosophy.* – P. 38 – 55.

¹² *Ibid.* – P. 58 – 59; см. также: *Putnam H.* *Philosophical Papers. Vol. 3. Realism and Reason.* – Cambridge, 1983. – P. 302.

¹³ *Putnam H.* *Renewing Philosophy.* – P. 65.

¹⁴ См.: *Putnam H.* *Realism with a Human Face.* – P. 17.

¹⁵ См.: *Putnam H.* *Reason, Truth and History.* – P. 29 – 35.

¹⁶ См.: *Putnam H.* *Words and Life.* – P. 352 – 354.

¹⁷ *Ibid.* – P. 352.

¹⁸ *Putnam H.* *Realism and Reason.* – P. 230.

¹⁹ *Putnam H.* *Pragmatism and Nonscientific Knowledge // Putnam H.* *Pragmatism and Realism* / Ed. by J. Conant and U.M. Žegleń. – L. & N. Y., 2002. – P. 18.

²⁰ *Putnam H.* *Is There Still Anything to Say about Reality and Truth? // Pragmatism, Old and New: Selected Writings* / ed. by S. Haack. – Amherst, 2006. – P. 629.

²¹ *Ibid.* – P. 631.

²² По мнению Д. Льюиса, аргумент Патнэма как раз не затрагивает *метафизической* стороны реализма, являясь, фактически, аргументом

против реалистической эпистемологии и семантики (см.: *Lewis D.* Putnam's Paradox // *Australasian Journal of Philosophy*. 1984. Vol. 62. – P. 231 – 232).

²³ *Devitt M.* Realism and the Renegade Putnam: A Critical Study of «Meaning and the Moral Sciences» // *Nous*. 1983. Vol. 17. № 2. – P. 300.

²⁴ *Smart J.* A Form of Metaphysical Realism // *Philosophical Quarterly*. 1995. Vol. 45. № 180. – P. 308.

²⁵ См.: *Hacking I.* Representing and Intervening. – Cambridge, 1983. – P. 94.

²⁶ *Smart J.* A Form of Metaphysical Realism. – P. 301.

²⁷ См.: *Martin C.B.* Anti-Realism and the World's Undoing // *Pacific Philosophical Quarterly*. 1984. Vol. 65. № 1. – P. 3 – 20; *Ambros V.* Is Putnam's Causal Theory of Meaning Compatible with Internal Realism? // *Journal for General Philosophy of Science*. 1999. Vol. 30. № 1. – P. 1 – 2; *Norris C.* How Many Positions Make Five? Science, Skepticism, and the «Ready-made World» // *Pretexts: Literary & Cultural Studies*. 2000. Vol. 9. № 2. – P. 159 – 163.

²⁸ См.: *Putnam H.* Meaning and the Moral Sciences. – L., 1978. – P. 100.

²⁹ *Ibid.* – P. 111.

³⁰ См.: *Putnam H.* Replies // *Philosophical Topics*. 1992. Vol. 20. № 1. – P. 388 – 389.

³¹ *Putnam H.* Realism and Reason. – P. 193. Ответ на критику Патнэма: *Feyerabend P.* Farewell to Reason. – L. & N. Y., 1987. – P. 265 – 272.

³² *Putnam H.* Reason, Truth and History. – P. 124.

³³ *Ibid.* – P. 162.

³⁴ *Putnam H.* Realism and Reason. – P. 240.

³⁵ *Putnam H.* Realism with a Human Face. – P. 231.

³⁶ *Putnam H.* Reason, Truth and History. – P. 179.

³⁷ См.: *Putnam H.* Realism with a Human Face. – P. 22.

³⁸ *Putnam H.* Pragmatism: An Open Question. – Oxford; Cambridge, 1995. – P. 21.

³⁹ *Ibid.*; см. также: *Putnam H.* Words and Life. – P. 151 – 153; *Putnam H.* The Collapse of Fact/Value Dichotomy and Other Essays. – P. 109 – 110; *Putnam H.* Ethics without Ontology. – P. 99.

⁴⁰ *Ebbs G.* Realism and Rational Inquiry // *Philosophical Topics*. 1992. Vol. 20. № 1. – P. 26.

⁴¹ См., например: *Putnam H.* The Many Faces of Realism. – La Salle, 1987. – P. 17.

⁴² *Putnam H.* Reason, Truth and History. – P. xi.

⁴³ См.: *Putnam H.* Pragmatism and Realism // *The Revival of Pragmatism. New Essays on Social Thought, Law, and Culture*. – Durham & London, 1998. – P. 39 – 40.

⁴⁴ *Ibid.* – P. 48. Ср.: *James W.* Pragmatism: A New Name for Some Old Ways of Thinking. – P. 63.

⁴⁵ *Putnam H.* Reason, Truth and History. – P. 146.

⁴⁶ См.: *Пирс Ч.* Начала прагматизма. – СПб., 2000. – С. 117 – 118; *Hookway C.* Peirce. – L., 1985. – P. 243.

⁴⁷ *Putnam H.* Realism with a Human Face. – P. 178.

⁴⁸ *Putnam H.* Realism and Reason. – P. 178.

⁴⁹ *Ibid.* – P. 179.

⁵⁰ *Putnam H.* Reason, Truth and History. – P. 75.

⁵¹ См.: *Putnam H.* Ethics without Ontology. – P. 51.

⁵² См.: *Putnam H.* Dewey Lectures. – P. 449, 452.

⁵³ Key Philosophers in Conversation: The Cogito Interviews. – L., 1999. – P. 50.

⁵⁴ Ibid. – P. 52.

⁵⁵ Цит. по: *Putnam H. Pragmatism: An Open Question.* – P. 28.

⁵⁶ Ibid. – P. 29.

⁵⁷ См.: *Putnam H. Replies.* – P. 366.

⁵⁸ Ср.: *Margolis J. Reinventing Pragmatism.* – Ithaca & L., 2002. – P. 22.

⁵⁹ *Putnam H. Jewish Philosophy as a Guide to Life: Rosenzweig, Buber, Levinas, Wittgenstein.* – Bloomington, 2008. – P. 6.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ *Putnam H. Reason, Truth and History.* – P. 54.

⁶² «Все то, что лучше всего подходит к каждой части нашей жизни и соединимо с целокупностью опыта, не должно быть пропущено» (*James W. Pragmatism: A New Name for Some Old Ways of Thinking.* – P. 25).

⁶³ *Putnam H. Pragmatism: An Open Question.* – P. 26.

⁶⁴ *Putnam H. Replies.* – P. 382, 383.

⁶⁵ См.: *Putnam H. The Threefold Cord: Mind, Body and World.* – N. Y., 1999. – P. 120.

⁶⁶ *Putnam H. The Collapse of the Fact/Value Dichotomy and Other Essays.* – P. 96 – 110.

Аннотация

В статье рассматриваются идеи Хилари Патнэма, известного аналитического философа, оказавшего существенное влияние на развитие неопрагматизма в США. Дается детальный разбор ключевых проблемно-тематических рубрик его философской доктрины (прагматистская аргументация против релятивизма и сциентизма, концепция истины как «гарантированной обоснованности», критика субъект-объектной дихотомии), исследуется связь прагматического реализма Патнэма с идеями классиков американского прагматизма.

Ключевые слова:

прагматизм, метафизический реализм, концептуальная относительность, субъект-объектная дихотомия, сциентизм, гарантированная обоснованность, Патнэм, Джеймс, Пирс, Дьюи.

Summary

The article is dedicated to the studies of the philosophical views of Hilary Putnam, a prominent analytic philosopher, who has contributed greatly to the development of the New Pragmatism. Key thematic rubrics of Putnam's pragmatic realism, including the concept of truth as warranted assertibility, neopragmatic arguments against relativism and repudiation of the subject/object dichotomy, as well as connections between Putnam's project and classical pragmatism, are examined in detail.

Keywords:

pragmatism, metaphysical realism, conceptual relativity, subject/object dichotomy, scientism, warranted assertibility, Putnam, James, Peirce, Dewey.